

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ РОЗАНОВ

доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Института истории и филологии
Вологодский государственный университет (Вологда, Российская Федерация)
rosanov007@gmail.com

ПОВЕСТЬ В. И. БЕЛОВА «ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО» В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ 1960-х ГОДОВ*

Целью статьи является реконструкция общественно-политического и литературного контекста, связанного с обстоятельствами публикации и первичной оценки повести В. И. Белова «Привычное дело» различными группами советской политической и литературной элиты. Идеологическая неопределенность, возникшая после отставки Н. С. Хрущева осенью 1964 года, помешала как появлению повести в престижном журнале «Новый мир», так и своевременной ее оценке в текущей литературной критике. Вынужденные цензурные сокращения при публикации «Привычного дела» в петрозаводском журнале «Север» демонстрируют те сложности, с которыми сталкивались писатели в освоении темы советской деревни. Широкое общественное признание повести остановило наметившуюся дискредитацию произведения в средствах массовой информации и способствовало серьезному его обсуждению. Данный аспект творческой истории ключевого текста «деревенской прозы» ранее в научной литературе не рассматривался.

Ключевые слова: В. И. Белов, деревенская проза, журнал «Север», журнал «Новый мир», цензура, литературная критика, «суровый стиль»

Для цитирования: Розанов Ю. В. Повесть В. И. Белова «Привычное дело» в общественно-политической ситуации 1960-х годов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 7 (184). С. 51–55. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.385

ВВЕДЕНИЕ

Повесть В. И. Белова «Привычное дело» (1966) по праву считается пионерской в художественной разработке деревенской темы в советской литературе. Соратник и единомышленник писателя Ф. А. Абрамов писал: «*Привычное дело* приняли все: и “либералы”, и “консерваторы”, и “лирики”, и “физики”, и даже те, кто терпеть не мог деревню ни в литературе, ни в жизни» [1: 92]. Однако противники у повести все же были, и не среди «либералов» или «физиков».

Работа Белова над «Привычным делом», различные коллизии, связанные с устройством повести в печать, реакция партийных идеологов и широкое общественное признание произведения, с некоторым запозданием отразившееся в критике, – все эти события приходится на середину 1960-х годов. Это не просто последние годы оттепели, но ее второй пик, второе дыхание. Известно, что политика Н. С. Хрущева в области культуры отличалась двойственностью и непоследовательностью. Смещение Хрущева в октябре 1964 года, иронически прозванное «малой октябрьской революцией», вызвало растерянность в кругах творческой интеллигенции. Ироничный К. И. Чуковский 24 ноября 1964 года записал в дневнике, что, «свергнув Хрущева, правительство пребывает в молчании – и обыватели не знают, под каким гарниром их будут вести по ленинскому пути» [17: 360].

В 1965 году Белов хотел напечатать свою новую повесть в журнале «Новый мир» и в издательстве «Советский писатель». «То, что идет в “Новом мире”, – это навсегда», – наставлял Белова его земляк, учитель и покровитель А. Яшин [14: 713]. Журнал А. Т. Твардовского среди «прогрессивной советской интеллигенции» считался смелым и независимым изданием. В редакционной декларации Твардовский заявлял, что оценивать литературные произведения необходимо «не по их заглавиям или “номинальному” содержанию, а прежде всего по их верности жизни, идейно-художественной значимости, мастерству, невзирая на лица...» [15: 18]. Но «оттепельное» литературное движение дифференцировалось не только по принципу *консерватор – прогрессист*, определенную роль играл и национально-культурный профиль писателя. Пока еще обе партии относительно мирно существовали друг с другом, но исторический опыт подсказывал скорый конец хрупкого равновесия. Сами собой напрашивались исторические аналогии. В 1966 году драматург А. Гладков записал в дневнике: «Пока еще идет то время, как в прошлом веке, когда Белинский еще дружил с Катковым, а Герцен с Хомяковым. Но впереди – размежевание» [6: 579]. По более позднему определению Белова, в ситуации идеологической и литературной борьбы между «русской партией» и «западниками» из «еврейского лагеря» Твардовский находился

«между двумя лагерями» [4: 327]. Новомирская критика не могла однозначно встать на сторону «русистов» и пыталась все разложить по полочкам: вот здесь истинные защитники «народности», а тут просто «любители старины, для которых русская древность с ее соборами и иконописью – последнее модное увлечение» [10: 223]. Но, скорее всего, автор Теркина балансировал между свободной и честной литературой и требованиями партийной номенклатуры, во многом еще сталинистской.

Незадолго перед этим в «Новом мире» была напечатана повесть А. Яшина «Вологодская свадьба», вызвавшая в начале 1963 года шквал критики и обвинений в «идеологической диверсии». В этой ситуации Твардовский предпочел не обострять положение журнала и отказался печатать «Привычное дело». Белов узнал о подорожностях из письма Яшина от 4 июня 1965 года:

«Герасимов рассказал мне, как получилось с твоим очерком или повестью о родной деревне (жаль, что я до сих пор ее не знаю). Они все (редакция «Нового мира». – Ю. Р.) очень огорчены, что Твардовский струсил давать такое о вологодской деревне после моей “свадьбы”. А прозвучало будто бы именно так, и они не смогли его уговорить, хотя всем твоя вещь очень понравилась» [14: 713].

Не получилось и с изданием повести в составе авторского сборника в издательстве «Советский писатель». Во внутренних рецензиях Ю. Г. Лаптева и В. А. Чалмаева произведение было квалифицировано как «непроходимое»: «Если мы напечатает такое... то завтра же нас всех разгонят, обвинят в клевете на колхозное крестьянство» [11].

Белову пришлось искать другой вариант для издания «Привычного дела», и он предложил повесть петрозаводскому журналу «Север», которому уже давно обещал дать «большую вещь». Редактор журнала Д. Я. Гусаров, имевший репутацию опытного литератора и «умеренного славянофила», оценил риски, связанные с публикацией, и попытался их минимизировать, предложив ряд существенных изменений текста, включающих, кроме всего прочего, сокращение произведения на два авторских листа. После трудных переговоров с автором был достигнут определенный компромисс. В «перестроечные» годы Гусаров вспоминал об этом, оправдывая редакторское вмешательство великой целью:

«Чтобы спасти повесть, редакции журнала “Север” пришлось пойти на изъятие важной аллегорической главы, передвинуть время действия в 50-е годы, снабдить удивительно цельную и завершенную вещь примечанием – “конец первой части”. Обидно и больно вспоминать это, но так было» [7: 7].

Сокращения были не такими большими, как предполагалось поначалу, но автор был недоволен. 12 апреля 1966 года Белов писал В. В. Петелину:

«Шлю Вам поклон и журнал с моей оскопленной штукой. Сократили ее не на два листа, да ошибок полно, да еще правили и без моего ведома, что особенно неприятно и выбесило» [13: 170].

В январском номере «Севера» за 1966 год повесть «Привычное дело» увидела свет и быстро стала бестселлером. А. Я. Яшин писал автору 7 июля 1966 года: «Очень тебя читают в библиотеке ЦДЛ – как мне сообщили, журнал “Север” с Беловым спрашивает чуть ли не каждый второй из посетителей» [14: 679]. Писатели «почвеннического» направления всячески распространяли и пропагандировали произведение коллеги. В. П. Астафьев писал литератору А. М. Борщаговскому:

«А вы читали ль в № 1 “Севера” повесть Васи Белова “Привычное дело”? Вот эта вещь меня потрясла, хотя и проста она, как земля. Очень советую прочесть, а то ее непременно замолчат в критике, и ничего о ней не узнают люди. “Север”-то читает совсем мало народу» [2: 122].

Писатели-«деревенщики» не скупились на оценки самого высшего порядка. Е. И. Носов, например, в письме к Астафьеву заметил, что «Иван Африканыч (главный герой повести. – Ю. Р.) – что-то гомеровское» [3: 259]. В редакцию петрозаводского журнала стали поступать восторженные письма «рядовых читателей», оценивших смелость писателя в изображении «жизненной правды». Твардовский вскоре пожалел о своей осторожности, изычно завуалировав свою ошибку в письме Белову:

«Можно было бы пожалеть, что повесть напечатана не в “Новом мире”, но, пораздумавши, нахожу, что, может быть, это даже лучше, что она напечатана в другом журнале: значит, не только в “Новом мире” пробивается то, что так огорчает наше высокоумное начальство, т. е. правда жизни» [13: 171].

Реакция «охранителей» на публикацию крамольной повести в провинциальном журнале была предсказуемой. Председатель Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли (в ранге министра) Н. А. Михайлов в своем выступлении на семинаре в ЦК КПСС в мае 1966 года, организованном для секретарей по идеологии и пропаганде, подверг произведение разгромной критике, инкриминируя автору идейную порочность и аптитартийные взгляды на развитие сельского хозяйства. Но, не успев как следует развернуться, критическая кампания в отношении Белова была остановлена. Похоже, что власти в данный момент не хотели устраивать еще одно литературное побоище и лишний раз ссориться с интеллигенцией, ведь только недавно, в феврале 1966 года, прошел судебный процесс над писателями А. Д. Синавским и Ю. М. Даниэлем. Некоторые признаки все же указывают, что определенная подготовка к «проработочной» кампании велась. В инстанции приходили не только восторженные,

но и гневные письма от читателей «Привычного дела». Вероятно, что часть этих писем была вполне искренней – их писали люди, зомбированные советской пропагандой. Но были и письма, прямо или косвенно инспирированные чиновниками. Об амбивалентности жанра «писем трудящихся» Белов позже рассуждал в эссе «Так хочется быть обманутым...»:

«Жажда исповеди никогда не стихала в душе русского народа. Большевики придумали очень простой способ ее утоления: “письма трудящихся”» <...> Тайна церковной исповеди во многих случаях обернулась тайной доноса» [5: 141–142].

Признаки политического доноса имеет, например, письмо некоего А. Лазурина из Сокольского района Вологодской области:

«Повесть показалась какой-то черной птицей при ясном свете дня. Она зловеще силится вызвать тени прошлого и, мешая события с настоящим временем 60-х годов, хочет кого-то то ли напугать, то ли озлобить или хотя несколько удастся испортить людям настроение. <...> Для наших врагов за границей это настоящая находка... Вот, смотрите, в журналах пишут, к чему приводит колхоз, человек износился преждевременно и умер, оставляя семью, а другой готов сунуться в петлю. Для нас, пожилых людей, повесть ничего не дает. Даже раздражение вызывает. <...> Это ни больше ни меньше идеологическая диверсия в умы людей через страницы советского журнала...» [16: 183–184].

Нет сомнения, что, если бы власть решила расправиться с писателем, это письмо было бы использовано в полной мере. Словом, сложилась довольно странная ситуация. Одна из «башен Кремля» осудила «Привычное дело», но какая-то, очевидно, более могущественная сила не допустила расправы над молодым вологодским автором. Литературная критика, не понимая позицию власти, не знала, как реагировать на повесть, уже ставшую популярной. Первым нарушил молчание В. Петелин, опубликовав в «Огоньке» небольшую рецензию. Критик прозрачно намекнул, что в повести показана деревня времен Хрущева:

«В. Белов описывает жизнь деревни в тот момент, когда низкая оплата трудодня, всевозможные запреты, сковывавшие самостоятельность и личную инициативу крестьянина, нарушения Устава сельхозартели и прежде всего принципа материальной заинтересованности мешали людям жить на родной земле» [12: 27].

Все эти слова и обороты механически перенесены в статью из партийных документов 1965 года, осуждавших «волюнтаризм» в сельскохозяйственной политике свергнутого лидера. Редколлегия «Огонька» на всякий случай слегка «замаскировала» рецензию, напечатав ее мелким шрифтом в конце номера, между шахматными задачами и кроссвордом. «Огонек» А. В. Сафронова считался вполне «патриотическим» изданием, духовным центром «русистов»,

имевших «тайных» покровителей в советском руководстве.

Самой общественно значимой и «переломной» рецензией на повесть Белова стала статья Ф. Ф. Кузнецова «Трудная любовь. Раздумья о деревенской литературе». И дело здесь не в имени автора. Кузнецов в то время еще не был значительной фигурой в советской литературной иерархии. «Трудная любовь» была напечатана в «Правде», органе ЦК КПСС, и это определяло многое. Сам Феликс Феодосиевич сорок лет спустя уже в другой, постсоветской «Правде» (органе КПРФ) так вспоминал об обстоятельствах появления статьи:

«Моя статья о повести “Привычное дело” пролежала без движения в редакции газеты “Известия” более полугода. <...> Редакция направила рецензию “для консультации” в Отдел культуры ЦК КПСС, и там “не посоветовали” публиковать рецензию. Тогда я передал статью в “Правду”. Главный редактор М. В. Зимянин сказал, что не будет публиковать рецензию, пока сам не прочитает повесть <...> Уезжая в командировку в Финляндию, Зимянин взял журнал с собой... “Какой язык!” – отозвался он о повести Белова, после возвращения из командировки. И сразу же поставил статью в номер» [8].

В начале статьи «Трудная любовь» Кузнецов, как обычно, указывает на славные традиции изображения деревни в классической русской литературе, упоминает пресловутую «власть земли», сетует на то «небрежение» к деревне, которое было в хрущевские времена (имя Хрущева, впрочем, не называется), говорит о современном внимании партии к сельским труженикам, которое затронуло и литературу. Прозу о деревне Кузнецов делит на два вида. Очерковая проза занимается «пристальным исследованием колхозной жизни на стыке литературы и экономики», а собственно художественная озабочена «духовными, нравственными началами жизни деревни». Причем первый процесс несколько опережает второй. Такая диспозиция уже сама по себе снимает идеологические претензии к «Привычному делу». Получается, что Белов лишь специфическими художественными средствами выразил то, о чем ранее прямым текстом писали советские очеркисты, работавшие на «стыке литературы и экономики». Попутно подчеркивается и примат экономики над искусством, столь понятный коммунистам. Довольно изящно и даже остроумно критик «оправдал» поэтику произведения:

«Это суровая проза. Она – подтверждение тому, что социалистический реализм предполагает и самую трезвую, суровую правду, если она сопряжена внутренне с душевной заботой писателя о благе народа, о его завтрашнем дне» [9].

В этом пассаже ключевым словом является прилагательное *суровая*, что следует считать, по нашему мнению, отсылкой к живописи «сурового стиля». Этот стиль получил распространение

и официальное признание в советском изобразительном искусстве как раз в 1960-е годы. Такие художники, как И. Обросов, В. Попков, П. Никонов, Н. Андронов, ориентируясь на образцы советского искусства 1920-х годов, обобщенно и лаконично изображали «героину трудовых будней». Строго говоря, «Привычное дело» более соответствует не «суровому стилю» в живописи, а предшествующему ему «лирическому импрессионизму» с его реабилитацией повседневности и приватности, но это уже детали.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Идеологическая неопределенность, возникшая после отставки Н. С. Хрущева осенью 1964 года, помешала как появлению повести в престижном журнале «Новый мир», так и своевременной ее оценке в текущей литературной критике. Вынужденные цензурные сокращения при публикации

«Привычного дела» в петрозаводском журнале «Север» демонстрируют те сложности, с которыми сталкивались писатели в освоении темы советской деревни. Широкое общественное признание повести остановило наметившуюся дискредитацию произведения в средствах массовой информации и способствовало серьезному его обсуждению. После статей Петелина и особенно Кузнецова, снявших вопрос о политической благонадежности повести, обсуждение «Привычного дела» пошло в обычном порядке. В рецензиях и критических статьях, опубликованных в 1960-е годы, было высказано немало идей и концепций, которые позднее, уже в «расширенном» и более аргументированном виде, перешли в публицистику и литературоведение позднейшего времени, определили основные аспекты исследовательского дискурса о творчестве В. И. Белова, о феномене «деревенской прозы».

* Статья написана при поддержке гранта РФФИ «Энциклопедия “Привычного дела” В. И. Белова», проект № 19-012-00348.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов Ф. Деревеньку зовут Тимониха // Север. 1982. № 10. С. 91–95.
2. Астафьев В. П. «Нет мне ответа...»: Эпистолярный дневник. 1952–2001. Иркутск: Издатель Сапронов, 2009. 720 с.
3. Астафьев В. П. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 14. Красноярск: Офсет, 1998. 480 с.
4. Белов В. И. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 5. М.: РИЦ «Классика», 2012. 632 с.
5. Белов В. И. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 7. М.: РИЦ «Классика», 2012. 622 с.
6. Гладков А. «Я не признаю историю без подробностей...». Из дневниковых записей 1945–1973 / Публ. С. Шумихина // In memoriam. Исторический сборник памяти А. И. Добкина. СПб.; Париж, 2000. С. 521–654.
7. Гусаров Д. Раздумья в дни юбилея // Север. 1990. № 6. С. 2–8.
8. Кузнецов Ф. Боль и совесть нашей деревни // Правда. 2007. 23–24 октября. № 117 (29170). С. 4.
9. Кузнецов Ф. Трудная любовь. Раздумья о деревенской литературе // Правда. 1967. 3 марта. № 62 (17744). С. 3.
10. Лакшин В. Три меры времени. (Выдвижение на Ленинскую премию «Деревенского дневника» Е. Дороша) // Новый мир. 1966. № 3. С. 221–228.
11. Петелин В. Мой XX век. Счастье быть самим собою [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.litmir.me/br/?b=2111418> (дата обращения 11.07.2019).
12. Петелин В. О светлом и горьком // Огонек. 1966. № 29. С. 26–27.
13. Соколова Е. А. «Привычное дело» В. И. Белова (по материалам личных архивов НИОР РГБ) // Румянцевские чтения – 2013: Материалы междунар. науч. конф. (16–17 апреля 2014): В 2 ч. Ч. 2. М.: Пашков дом, 2013. С. 170–172.
14. Суров М. В. Белов: штрихи великой жизни. Вологда, 2007. 744 с.
15. Твардовский А. Т. По случаю юбилея // Новый мир. 1965. № 1. С. 3–18.
16. Тимошкина О. С. «Василию Белову передайте...» // Север. 2000. № 5–6. С. 181–184.
17. Чуковский К. И. Дневники. (1930–1969). М.: Современный писатель, 1994. 560 с.

Поступила в редакцию 07.08.2019

Yuri V. Rozanov, Doctor of Philology, Vologda State University
(Vologda, Russian Federation)

VASILY BELOV'S NOVEL *BUSINESS AS USUAL* IN THE SOCIO-POLITICAL SITUATION OF THE 1960S*

The purpose of the article is to reconstruct the socio-political and literary context related to the circumstances of publication and initial assessment of Vasily Belov's novel *Business as Usual* by various groups of the Soviet political and literary elite. Ideological uncertainty that arose after Khrushchev's resignation in the fall of 1964 prevented both publishing of the novel in the prestigious magazine *New World* and its timely assessment by contemporary literary critics. Forced censorship reductions during the publication of *Business as Usual* in the Petrozavodsk magazine *The North* demonstrates the difficulties that writers faced in mastering the themes of the Soviet village. Wide public recognition stopped the emerging discrediting of the novel in the mass media and contributed to

its serious discussion. This aspect of the creative history of this key text belonging to the “village prose” literary movement has not been covered by scientific literature so far.

Keywords: Vasily Belov, village prose, *The North* magazine, *New World* magazine, censorship, literary criticism, “severe style”

* The research reported in the article was funded by the Russian Foundation for Basic Research as part of the grant “Encyclopedia of Vasily Belov’s *Business as Usual*” (project No 19-012-00348).

Cite this article as: Rozanov Yu. V. Vasily Belov’s novel *Business as usual* in the socio-political situation of the 1960s. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 7 (184). P. 51–55. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.385

REFERENCES

1. Abramov F. The village is called Timonikha. *The North*. 1982. No 10. P. 91–95. (In Russ.)
2. Astafiev V. P. “There is no answer for me ...”: Epistolary diary. 1952–2001. Irkutsk, 2009. 720 p. (In Russ.)
3. Astafiev V. P. Collected works. In 15 vols. Vol. 14. Krasnoyarsk, 1998. 480 p. (In Russ.)
4. Belov V. I. Collected works. In 7 vols. Vol. 5. Moscow, 2012. 632 p. (In Russ.)
5. Belov V. I. Collected works. In 7 vols. Vol. 7. Moscow, 2012. 622 p. (In Russ.)
6. Gladkov A. “I do not recognize history without details...”. The diary entries of 1945–1973. (S. Shumikhin, Publ.). *In Memoriam. Collection of historical works and materials in memory of A. I. Dobkin*. St. Petersburg, Paris, 2000. P. 521–654. (In Russ.)
7. Gusarov D. Meditations on the anniversary days. *The North*. 1990. No 6. P. 2–8. (In Russ.)
8. Kuznetsov F. Pain and conscience of our village. *The Truth*. 2007. October 23–24. No 117 (29170). P. 4. (In Russ.)
9. Kuznetsov F. Difficult love. Thoughts about village literature. *The Truth*. 1967. March 3. No 62 (17744). P. 3. (In Russ.)
10. Lakshin V. Three measures of time. (Nomination of E. Dorosh’s *Village Diary* for the Lenin Prize). *New World*. 1966. No 3. P. 221–228. (In Russ.)
11. Petelin V. My twentieth century. Happiness is to be yourself. URL: <http://www.litmir.me/br/?b=2111418> (accessed 11.07.2019). (In Russ.)
12. Petelin V. About the bright and the bitter. *Ogoniok*. 1966. No 29. P. 26–27. (In Russ.)
13. Sokolova E. A. *Business as usual* by V. I. Belov (based on the materials from the personal archives of the Russian State Library Manuscripts Department). *Rumyantsev’s Readings – 2013: Proceedings of the International Scientific Conference (April 16–17, 2014)*. In 2 parts. Part 2. Moscow, 2013. P. 170–172. (In Russ.)
14. Surov M. V. Belov: strokes of a great life. Vologda, 2007. 744 p. (In Russ.)
15. Tvardovsky A. T. On the occasion of the anniversary. *New World*. 1965. No 1. P. 3–18. (In Russ.)
16. Timoshkina O. S. “Transfer to Vasily Belov...”. *North*. 2000. No 5–6. P. 181–184. (In Russ.)
17. Chukovsky K. I. The diaries (1930–1969). Moscow, 1994. 560 p. (In Russ.)

Received: 7 August, 2019